

DOI 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-134-144

УДК 94

Михаил Анатольевич Родионов

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: mrodio@yandex.ru

Трансформация этноконфессиональной идентичности жителей Хадрамаута в XX–XXI вв.

АННОТАЦИЯ. Рассматривается трансформация этноконфессиональной идентичности жителей Хадрамаута (Южная Аравия) в ходе социальных преобразований, начатых британским колониальным чиновником Гарольдом Инграмсом в 1933 г. и продолжающихся на совсем других основаниях вплоть до сегодняшнего дня. Для решения заявленной задачи использованы малотиражные публикации документов из британских и южноаравийских архивов, а также полевые материалы, собранные в Хадрамауте автором статьи. Первый раздел посвящен строительству современных властных структур в двух главных султанатах изучаемого ареала, ал-Куайти и ал-Касири, и процессу примирения местных племен в 1933–1953 гг., известному как «мир Инграмса», хотя с таким же основанием он мог быть назван «миром ал-Кафа», по имени представителя духовной аристократии (из рода пророка Мухаммада), сыгравшего наряду с Инграмсом решающую роль в переговорном процессе и модернизации страны. В следующих разделах анализируется трансформация этноконфессиональной идентичности жителей Хадрамаута перед уходом англичан и после обретения независимости, под влиянием панарабистских, социалистических и панисламистских идей. Дается характеристика основных слагаемых хадрамаутской идентичности с особым вниманием к ее этноконфессиональной составляющей. В заключение предлагается краткая характеристика многолетнего йеменского кризиса, для которого конфессиональный фактор в противостоянии Севера и Юга имеет не меньшее значение, чем политические и социально-экономические проблемы региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этноконфессиональная идентичность, Южная Аравия, Хадрамаут, Гарольд Инграмс, йеменский кризис

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Родионов М. А. Трансформация этноконфессиональной идентичности жителей Хадрамаута в XX–XXI вв. *Кунсткамера*. 2022. 3(17): 134–144. doi 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-134-144

Mikhail Rodionov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-Mail: mrodio@yandex.ru

The Transformation of the Ethno-Confessional Identity in Hadhramaut in the 20th to the 21st Century

ABSTRACT. The article examines the transformation of ethno-confessional identity among the inhabitants of Hadhramaut (South Arabia) in the course of social transformations initiated by the British colonial officer Harold Ingrams in 1933 and continuing on completely different grounds until today. To solve the problem, small-circulation publications of documents from the British and South Yemeni archives, as well as field materials collected by the author, were used. The first section of the article is devoted to the construction of modern administrative structures in the two main sultanates of the area, Al-Qu‘aiti and Al-Kathiri, and to the process of reconciliation of local tribes in 1933–1953. The latter is known as “Ingrams Peace”, although with no less reason it could be called the “Peace of Al-Kaf”, after a representative of the spiritual aristocracy (from the family of Prophet Muhammad), who played a decisive role in the negotiation process. Next sections analyze the transformation of ethno-religious identity among the inhabitants of Hadhramaut in the 1960s to 1990s, i. e. before the departure of the British and after the independence, under the influence of pan-Arabist, socialist and pan-Islamist ideas. The last section gives a description of the main components of the Hadrami identity with special attention to its ethno-confessional component. In conclusion, a synchronous cross-section of the long-term Yemeni crisis is presented, showing that the confessional factor in the confrontation between the North and the South is no less important than the political and socio-economic problems of the region.

KEY WORDS: ethno-confessional identity, South Arabia, Hadhramaut, Harold Ingrams, the Yemeni crisis

FOR CITATION: Rodionov M. The Transformation of the Ethno-Confessional Identity in Hadhramaut in the 20th to the 21st Century. *Kunstkamera*. 2022. 3(17): 134–144. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-134-144

На первый взгляд чувство этнокультурной идентичности, присущее хадрамитам, т. е. жителям Хадрамаута (Южная Аравия), сравнительно легко поддается описанию и трактовке. Действительно, за три тысячи лет существования в качестве историко-культурной общности этот ареал сохранил свою географическую самобытность, ставшую базовой характеристикой для идентификации его обитателей. Природный комплекс *побережье — плоскогорья — долины — пустыня* превращает Хадрамаут в узловую перевалочный пункт, где издавна осуществлялся товарообмен между странами бассейна Индийского океана и Аравией (Родионов 2021: 205–212). Труднее проследить, как изменялись слагаемые хадрамитской идентичности под влиянием социальных преобразований и какую роль при этом играет конфессиональный фактор. Так, пространственная составляющая локальной идентичности неразрывно связана с религиозной: ландшафт сакрализуется, так как важнейшей милостью божьей (*ар-рахма*) хадрамиты считают ниспослание сезонных дождей, от которых всецело зависит местное земледелие (Rodionov 2010). Рассмотрим, как эта проблема решалась в эпоху британского протектората и после ухода англичан из Южной Аравии.

«МИР ИНГРАМСА» ИЛИ «МИР АЛ-КАФА»?

Интерес Великобритании к Южной Аравии восточнее Адена возрос после открытия Суэцкого канала в 1869 г. Нуждаясь в дружественных и сильных местных правителях на морском пути Суэц — Бомбей, англичане поддержали в борьбе за власть в Хадрамауте йафиитов ал-Куайти — одну из трех племенных группировок, вожди которых сколотили состояния на военной службе в Индии у низама Хайдарабада. Отдав лидерам рода ал-Куайти портовый город ал-Мукаллу и назначив им небольшую ежегодную стипендию, британская администрация заключила с ними в 1882 и 1888 гг. договоры о дружбе. Согласно договорам, куайтийцы не могли продавать, закладывать или отдавать в пользование иным способом свои владения — порты аш-Шихр, ал-Мукаллу, Бурум и прилегающие к ним земли любому частному лицу или иностранному государству, кроме правительства Великобритании. Это требование должно было исключить образование в Хадрамауте нового центра власти путем покупки населенного пункта. Другое условие предусматривало полный контроль Великобритании над сношениями куайтийцев с соседними правителями и зарубежными государствами (Rodionov 2007: 53–60).

Отрезанный куайтийцами от Аравийского моря султанат ал-Касири пытался вернуть порты с помощью Турции. Куайтийский султанат и британские власти ответили экономической блокадой. 8 июня 1918 г., когда Первая мировая война близилась к концу, в Адене было заключено касирийско-куайтийское соглашение. Касирийская сторона присоединялась к куайтийско-британскому договору 1888 г. Определялись границы Касирийского султаната и подчеркивалась их нерушимость. Прежние споры между сторонами предавались забвению. В своих пределах султанат ал-Касири пользовался полной автономией, однако все внешние сношения шли теперь через ал-Мукаллу и Аден. Декларировалась абсолютная свобода торговли. Все споры между участниками соглашения разрешались Великобританией. Главное положение содержалось в первой статье: «Султан ал-Куайти, владетель аш-Шихра и ал-Мукаллы, и султан из рода Абдаллаха Касира согласны с тем, что область (*иклим*) Хадрамаут — единая область и что упомянутая область является одним из протекторатов Британии через султана аш-Шихра и ал-Мукаллы» (Ingrams 1936: 169–170; Rodionov 2007: 58–61). Так Хадрамаут стал протекторатом Великобритании.

Стремление к единству своего края парадоксальным образом сочеталось у хадрамитов с политической раздробленностью и постоянными племенными усобицами, чему способствовала сложная социальная организация — иерархия потомственных социальных страт. Ее верхний слой составляла духовная аристократия (*сайиды*, или потомки пророка Мухаммада, и *шейхи*), ее опору и ядро — племена, ниже шли горожане, крестьяне, ремесленники, разнорабочие, слуги, рабы и т. д. (Ingrams 1936: 36–44; Rodionov 2007: 19–29).

Для проведения социальных реформ необходимо было покончить с усобицами, а для этого собрать на месте соответствующую информацию об этом малоизученном крае. С последней задачей успешно справился колониальный чиновник Гарольд Инграмс, подготовивший по результатам девятимесячной командировки в 1934–1935 гг. обстоятельный доклад о социальном, экономическом и политическом положении в Хадрамауте (Ingrams 1936). В работе над докладом практически соавтором Инграмса была его жена Дорин: она собирала географическую информацию, проводила опросы среди местных женщин и вела полевой дневник. За время командировки супруги Инграмс обнаружили, что со многих поселений и племенных территорий султанские власти не могли взимать налоги и не имели влияния на управление ими, хотя формально все хадрабийцы числились султанскими подданными и выезжали за границу с куайтийскими или касирийскими паспортами, введенными в 1910–1919 гг. (Ingrams 1936: 2–3, 7).

Всеобщее примирение племен Гарольд Инграмс сумел заключить в 1937 г. К его приезду уже был подписан ряд соглашений с племенами. Он разделил эти документы на категорию «А», предусматривавшую полную лояльность султану, и категорию «В» — о дружбе и сотрудничестве на взаимовыгодной основе. Когда все документы были подписаны, оказалось, что в Хадрамауте насчитывалось около двух тысяч отдельных «правительств», из которых лишь два было признано Великобританией (Ingrams 1993: 12; Qu'ayti 2009)¹.

Политический контроль над Хадрамаутом сосредоточивался в Адене, переданном в 1937 г. в прямое управление британскому министерству колоний, а все зависимые от Великобритании южноаравийские государства разделялись на Западный и Восточный протектораты Адена. В том же году Инграмс стал первым британским советником-резидентом при султанах ал-Куайти по всем делам, кроме вопросов веры и традиций. С 1939 г. его полномочия распространялись и на Касирийский султанат.

Всеобщее перемирие вступало в силу с февраля 1937 г. сроком на три года. В 1940 г. его перезаключили еще на пять лет, затем еще на пять, а с 1950 г. статус «гражданского мира» стал постоянным. Для его поддержания учреждался примирительный совет. С помощью британских военных специалистов создавалась регулярная армия, в городах — муниципальная полиция, для поддержания порядка в сельских районах — жандармерия. Формировался бедуинский легион по образцу иорданского, который должен был обеспечивать безопасность границ и приграничных территорий.

Прекращение усобиц известно в Хадрамауте и за его пределами как «мир Инграмса», хотя, как замечает британский арабист Пол Дреш (Dresch 2002: 410), с тем же основанием его можно назвать «миром ал-Кафа» — по имени сайида Абу Бакра ал-Кафа (ок. 1890–1965). Родившийся в Сингапуре выходец из хадрабийской страты потомков Пророка, он преумножил богатство своей семьи удачной коммерческой деятельностью и щедро тратил свое состояние на реформы в Хадрамауте. Он активно участвовал в переговорах с племенными вождями и другими традиционными лидерами, субсидировал строительство первой автомобильной дороги, связавшей побережье с внутренними долинами, что подорвало традиционную привилегию племен на обеспечение безопасности караванной торговли.

Лояльный Британской империи, сайид Абу Бакр ал-Каф держался с достоинством мусульманского аристократа. Он чуть было не отказался от рыцарского звания, узнав, что торжественная церемония включает коленопреклонение перед британской королевой, так как настоящий мусульманин встает на колени только перед Аллахом. Выход был найден: на фотографии, снятой в апреле 1954 г. во время визита Елизаветы II в Аден, видно, как королева касается мечом плеча ал-Кафа, опирающегося коленом на специальную скамеечку (Ducker 2003: 41). Родившийся на чужбине, он был похоронен на исторической родине — в столице султаната ал-Касири городе Сайуне.

¹ О культуре документов, регламентирующих социальную и частную жизнь хадрабийцев, см.: (Rodionov, Schoenig 2011).

История жизни Абу Бакра ал-Кафа показывает, какая важная роль в деле укрепления хадрабийской идентичности принадлежит разветвленной сети хадрабийских общин за рубежом (Nadhramaut and its Diaspora 2017), если учесть, что в эпоху Инграмса почти в каждой семье Хадрамаута кто-нибудь из мужчин находился на заработках за границей, мечтая вернуться домой состоятельным человеком.

БРИТАНИЯ УХОДИТ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЛАНЫ

Незадолго до окончания Второй мировой войны, в апреле 1945 г., Гарольд Инграмс составил служебную записку с грифом «только для служебного пользования» под названием «Политическое развитие в Хадрамауте», которую его жена Дорин и их дочь Лейла издали в десятом томе своего шестнадцатитомного свода архивных материалов по Йемену (Ingrams 1993).

Записка обращена к будущим советникам-резидентам, собирающимся работать в Хадрамауте, и их начальству в Адене и Лондоне. В ней он сравнивал ситуацию в обоих султанатах в 1934 и 1944 гг., отмечая успехи прежде всего султаната ал-Куайти в обеспечении внутренней безопасности, примирении племен, модернизации госаппарата и социальных служб (светское образование, медобслуживание) и т. д. Благополучную картину завершало упоминание о суровом голоде, охватившем страну после того, как японцы оккупировали Сингапур и Нидерландскую Ост-Индию, конфисковав имущество и активы хадрабийской диаспоры, откуда в мирное время на родину ежегодно переводилось около 600 000 фунтов стерлингов. Ситуация усугублялась семилетней засухой и потерей половины вьючных верблюдов, что нанесло удар по караванной торговле побережья с внутренними долинами и взвинтило цены на продукты питания (Ingrams 1993: 5–8). Далее следуют соображения Инграмса о специфике Хадрамаута и его населения, которые уместнее не пересказывать, а процитировать.

Природа страны объясняет природу людей. Просторы лишенной растительности гор и плоскогорий породили в бедуине глубокое чувство свободы и нежелание поступаться ею в угоду кому бы то ни было, так как это его единственное достояние. В глубоких долинах внутренних областей горизонт ограничен бортами высотой в тысячу футов, и это воспитало в людях ощущение исключительности, которое редко встретишь где-либо еще. В городах и деревнях этих долин сложилась совершенно особая форма религиозности. Тут отсутствует свободное братство ислама, но наличествует система классов: саййиды; оседлые племена, которые лишены многих добродетелей, присущих бедуинам пустыни; ростовщики-иммигранты; племена йафиштов с запада [Южной Аравии. — М. Р.]; потомки африканских рабов, торговцы-горожане и бесправные работники, условия жизни которых столь тяжелы, что они почти опустились до уровня животных, с которыми разделяют их труд подъема воды из колодезев. Саййиды доминируют в жизни и общественной мысли страны и, хотя некоторые из них, с кем входит в контакт европеец, обставили свои дома с большим комфортом, не меньшей роскошью и варварской безвкусицей Запада, но западное влияние ограничивается только этим, и они удостоились характеристики «членов самой фанатичной секты в Аравии». Саййидов в стране более 20 000, и вместе с членами семей они составляют, вероятно, около одной пятой части населения. Хадрамаут является особенной и священной землей, так как здесь находятся могила пророка Худа и многих менее значительных пророков и святых (Ingrams 1993: 9).

Дадим слово самому Инграмсу, когда он на основе своего опыта характеризует моральные качества хадрабийцев и их отношение к религии.

В стране можно встретить самые невероятные контрасты — от экстравагантных проявлений роскоши, от комфорта до крайней степени нищеты, от высокого уровня культуры до полной дикости. Бедные классы в городах обычно имеют достаточный доход, чтобы обеспечить себя пищей, но не имеют никакой прибыли, бедуины живут на грани голода. Самые высокие стан-

дарты морали обнаруживаются у бедуинов, но в городах, особенно на побережье, различные пороки весьма распространены, хотя воровство встречается на удивление редко. Соблюдение религиозных обрядов широко распространено среди оседлых, но «праведников» среди них мало. Они выделяются как маяки. Бедуины мало привержены формальной обрядности (некоторые племена редко молятся или постятся), однако у них существуют высокие стандарты чести, эти люди являются природными мусульманами, научившись на тяжелых уроках абсолютному подчинению воле Бога. Религиозный фанатизм ярче проявляется там, где сильнее влияние саййидов. В других местах наблюдается большая терпимость, для бедуинов важнее человеческие качества, а не религиозная принадлежность (Ingrams 1993: 10).

Перечисленные в процитированных фрагментах обстоятельства, так же как яркий пример Лоуренса Аравийского, во многом определяли стиль и методы, избранные Инграмсом для работы с хадрамитскими.

Учитывая исключительные качества людей, мне всегда приходилось действовать так, будто я один из них. По их просьбе я одевался в одежду, какую носят они: поскольку в Хадрамауте запрещено держать в доме спиртные напитки, у меня всегда царил сухой закон, и за пределами семейной половины нашего дома мы всегда жили так, как живет страна. Я уверен, что благодаря жизни в согласии с местными обычаями и работе в тесном единении с людьми, нам удалось совершить так много. Сделанное по моей инициативе не вызывало вопросов и возражений, потому что не воспринималось как идея чужака, проводимая в жизнь в интересах иностранного правительства (Ingrams 1993: 15).

Особенно щекотлив для хадрамитцев, мусульман-суннитов шафиитской религиозно-правовой школы, был вопрос о традициях и религии, который хотя и не входил формально в сферу компетенции британского советника-резидента, не мог им игнорироваться. Вот что писал по этому поводу Инграмс в своей служебной записке.

Как христианина, меня сперва с трудом принимали в сообществе людей, которые считают почти невозможным для себя свыкнуться с мыслью о существовании арабов-христиан. В различных частях страны мне всегда приходилось слышать возражения, что подписание договоров, согласно которым в стране появляются иностранные советники, будет означать появление миссионеров и строительство церквей. Я всегда отвечал сомневающимся, что их не заставят принимать миссионеров, более того, эти новые государственные образования будут признаны мусульманскими арабскими странами, а сам я как член арабского мусульманского правительства чувствовал себя обязанным поддерживать государственную религию. Лично я, хоть и не могу похвастать особой приверженностью к религии, находил вдохновение для своей работы в вере, в которой был взращен, однако, оказался в таком положении, когда мне приходилось иметь дело с людьми другого вероисповедания, я чувствовал крайне важным помогать им и поощрять их к жизни в согласии с самыми высокими принципами их религии, так как живой религиозный дух жизненно необходим для продвижения вперед. Хадрамаут, как я уже говорил, подвержен печальной склонности к чрезмерному формализму, и я часто находил опору в выдвижении на первый план идей о необходимости работать и жить в соответствии с духом религии. Такой подход к обучению используется при работе с войсками, а также с детьми в новых школах, особенно в детской деревне и бедуинских школах для мальчиков и девочек. У моего помощника по образованию есть кандидат на подготовку к исполнению роли учителя, который объясняет ученикам общий дух религии, оставляя другим преподавателям, к примеру, молитвенные обряды и правила поста. С течением времени все согласилось с тем, что позиция религии в делах страны укрепляется, а не ослабевает (Ingrams 1993: 15–16).

Однако, несмотря на поддержку политики Инграмса со стороны султанов ал-Куайти и саййидских родов ал-Каф, ас-Саккаф и ал-Михдар, он не мог не видеть, с каким недоверием встре-

чали появление англичан многие хадраимйцы, особенно члены антисаййидского общества Иршад, или Наставления. По всей стране ходили стихи, песни и анекдоты, изображающие тактику иноземцев — людей талисманов, волков в человеческой одежде. Один из таких анекдотов Инграмс приводит в своей записке.

Некоторое время назад я говорил нескольким важным людям в Мукалле о том, какую помощь предлагало правительство его величества. Они выражали благодарность, однако у них возникали сомнения, не приведет ли это к усилению контроля и не превратится ли в британскую колонизацию, как они это называют. Один сказал — англичанин приходит к вам и говорит: «Я хотел бы остановиться в вашем доме и помочь вам. Я вас не беспокою, мне нужна только ваша дружба, и я заплачу». Через некоторое время он говорит: «Я хотел бы повесить здесь свою шляпу, она вам не мешает». Потом он добавляет: «И пальто тоже». Другой вступил в разговор: «...потом появляются его брюки, и вот он уже не может уехать». Несколько месяцев спустя, когда губернатор Адена созвал митинг в Хадрамауте и говорил собравшимся об очень щедрой помощи, которую предлагает для борьбы с голодом правительство его величества, в ответной речи, после выражения благодарности, у него просили заверений в том, что за этой щедростью не стоит ничего более, кроме благотворительности. Губернатор с готовностью дал такие заверения, но дело в том, что арабы Южной Аравии достаточно хорошо знают, что означало в прошлом мирное проникновение англичан в таких местах, как Занзибар, и опасаются нас, даже когда мы приносим дары (Ingrams 1993: 15–16).

В заключительной части документа автор предлагает ряд выводов и прогнозов. Для нашей темы важнейшими являются следующие: «(1) На Ближнем Востоке есть такие отсталые территории, где по причинам климатическим, состоянию почв, характеру населения и политическому устройству, колониальная администрация в обычном смысле слова не может существовать. <...> (3) Лучший способ обращения с этими территориями — это организация системы нежесткого политического контроля и/или рекомендаций, которая не является ни прямым, ни косвенным правлением, ни полным неучастием в нем. (4) Невозможно ожидать от людей ответственных действий, если на них не возлагается вся полнота ответственности. В таких сложных странах, как Хадрамаут, где экономические ресурсы столь ограничены, единственная надежда на спасение заключается в том, чтобы обеспечить готовность людей заботиться о себе самостоятельно» (Ingrams 1993: 20–21).

Инграмс делает также некоторые прогнозы, или, как он их называет «общие выводы»: «Юго-Западная Аравия — Королевство Йемен и Протекторат Адена — неотъемлемая часть арабского мира, но она и Юго-Восточная Аравия отстали гораздо больше, чем северные арабские страны. Тем не менее они должны рано или поздно встроиться в общую картину арабского единства, и я полагаю, что методы политического развития в Хадрамауте, которые могут, будем надеяться, привести к образованию федерации государств Хадрамаута, в результате сделают эту территорию более готовой и желающей вписаться в схему арабского единства. Адена, помимо того, что он является имперской крепостью и центром торговли, в прошлом охотно играл своего рода образовательную роль на этой территории и, если продолжит развиваться в качестве культурного центра, это тоже поможет Йемену и протекторатам двигаться дальше по пути к арабскому единству» (Ingrams 1993: 22).

Для Инграмса чувство исключительности, испытываемое хадраимйцами, очевидно (Nadhramaut and its Diaspora 2017; Petouris 2017). Это чувство — результат сложения всех составляющих культурной идентичности, превращающей население края в особую общность. Однако социально-политические перемены в хадраимйском обществе пошли далеко не так, как планировалось в Лондоне, когда Британия уходила из Адена и Южной Аравии «без славы, но и без катастрофы» (Britain's Departure from Aden and South Arabia 2020).

СТАТИКА И ДИНАМИКА ХАДРАМИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

События внутри страны и за ее пределами все резче воздействовали на самосознание жителей Хадрамаута. Оно предусматривало традиционную идентификацию:

- 1) по происхождению и социальной страте;
- 2) по локусу (хадрабийцы);
- 3) по языку (говорящие по-арабски);
- 4) по религии (сунниты — шафииты — мусульмане).

Понятие «йеменцы» жители Хадрамаута долгое время относили преимущественно к горцам северо-запада. Термин «араб» употреблялся как синоним понятия «полноправный человек, объясняющийся нормальным языком». Для широкого распространения и принятия идей арабского национализма понадобился целый комплекс внешнеполитических событий. Важнейшим из них может считаться антимонархическая революция 1952 г. в Египте, усилившая в Южной Аравии протестные настроения. Свержение в 1962 г. монархии в Северном Йемене поставило вопрос о вооруженной борьбе на Юге.

Проблема единой йеменской родины стала горячо обсуждаться не только в Санае или Адене, но и в прибрежных городах Хадрамаута и его внутренних районах. Планы Британии учредить Федерацию Южной Аравии, куда должны были войти все 25 государственных образований Западного и Восточного протекторатов, не встретили поддержки у властей и общественности султанатов ал-Куайти и ал-Касири.

Начавшаяся дестратификация общества (Rodionov 2021) вовлекла в революционные события радикальную молодежь всех страт (особенно самых верхних и низших). Последний правящий султан династии ал-Куайти Галиб ибн Авад был свергнут вскоре после поспешного ухода англичан — 16 сентября 1967 г., 2 октября низложен султан Хусайн ибн Али ал-Касири.

Еще несколько дат: 30 ноября 1967 г. была провозглашена Народная Республика Южного Йемена, переименованная в 1970 г. в Народную Демократическую Республику Йемен, объединившуюся 22 мая 1990 г. с Йеменской Арабской Республикой в Йеменскую Республику, переживающую с 2011 г. по сей день острейший социально-политический кризис. В йеменскую республику, как бы она ни называлась, Хадрамаут входит на правах одной из провинций.

В эпоху Народной Демократической Республики Йемен для борьбы с сепаратизмом была сделана попытка отказаться от исторических названий провинций, заменив их номерами от единицы до шестерки. Так, в течение нескольких лет Хадрамаут официально именовался Пятой провинцией, а хадрабийцы — жителями Пятой провинции. Вместо федерации население Южной Аравии получило централизованное государство со столицей в Адене, а вместо ислама — марксизм-ленинизм с лозунгами социальной справедливости, антиколониализма, классовой солидарности, интернационализма и атеизма. Если два первых лозунга встретили широкую поддержку, то остальные у многих вызвали недоумение, зачастую связанное с трудностями перевода на арабский марксистской терминологии. Так, новая власть заменила названия неполноправных социальных страт словом «рабочие», отчего растиражированный призыв «Рабочие всех стран, соединяйтесь!» был понятен не всем: «Почему рабы должны соединяться?» Внедрение новой идеологии, однако, не сопровождалось полным разрывом с культурной традицией Хадрамаута. Часть исламских ритуалов сохранилась во всех обрядах жизненного цикла и в быту, часть ушла в подполье, сохранив исламскую первооснову.

Религиозная обрядность Хадрамаута, как и в других шафиитских районах Йемена, находится под сильным влиянием исламского мистицизма — суфизма, который создал здесь собственную школу — алидский тарикат. В ней акцентируется роль Хадрамаута в распространении веры в единого Бога, начиная с доисламских пророков и заканчивая представителями саййидского рода Ба Алави и другими праведниками, которые должны служить нравственным эталоном для каждого мусульманина.

Алидский тарикат основан на учениях и практиках суфийских школ шазилия (Северная Африка) и кадирийа (Ирак), он направляет мусульман к совершенствованию личных качеств, поощряемых Кораном и Сунной. Тарикат предписывает посещение гробниц праведников во время паломничества, чтение стихов об их деяниях на благо общины, их сверхъестественных способностях к чудотворству, дарованных им при жизни и сохранявших силу по милости Аллаха и после смерти. Значение паломничества в Хадрамауте, чья территория покрыта густой сетью сакральных святилищ, далеко выходит за локальные рамки. Шафиито-суфийская традиция Хадрамаута получила широкое международное признание. Ее роль в исламизации Юго-Восточной Азии сделала Хадрамаут важным транснациональным исламским культурным центром (Knysh 2001). Хадрамиты уверены, что добрая половина всех мусульман планеты обязана своим приобщением к исламу выходцам из Хадрамаута.

Объединение ЙАР и НДРЙ в 1990 г. вызвало прилив симпатий у южан к партиям, использующим исламскую повестку. Однако вскоре первоначальная эйфория сменилась растущим разочарованием итогами объединения с ЙАР. Новым мощным авторитетом на Юге становились фракции Мирного движения Юга, в котором большинство руководящих постов занимали выходцы из Хадрамаута.

На фоне этих процессов запуск крупного религиозного проекта харизматичным духовным лидером саййидом Умаром ибн Хафизом из рода Бин Шайх Абу Бакр вызвал колоссальный энтузиазм у жителей провинции. В 1993–1994 гг. в Тариме им была открыта религиозная школа, которая в 1997 г. преобразована в современный международный учебный центр «Дар ал-Мустафа». В основе учебной программы лежало возрождение хадрамитских шафиито-суфийских традиций. Среди иностранных студентов оказалось много европейцев, которые способствовали распространению через интернет лекций и проповедей шейха Умара с переводом на английский.

Радикальные салафиты (сторонники «ислама предков», поощряемого Саудовской Аравией) называют суфиев могилпоклонниками, проводниками суеверий, осуждая алидский тарикат как проявление «семейного бизнеса», с помощью которого главы семей подчиняют несаййидских членов общины своей воле, принуждая к участию в еретических и устаревших обрядах (Knysh 2018: 218). Даже в мирное время атаки на суфийские святыни в Тариме и других городах Хадрамаута требовали их охраны и защиты. Дар ал-Мустафа в Тариме продолжает традиции автохтонной шафиито-суфийской школы, пытается бороться с мощной волной салафизма и радикального джихадизма (запрещенных в России сторонников «священной войны»), представленного в Хадрамауте рядом организаций — от «Ансар аш-шариа» («Помощники шариата») до «Абна Хадрамаут» («Сыны Хадрамаута»).

Захватив ал-Мукаллу весной 2015 г., джихадисты удерживали ее и почти все побережье Аравийского моря в течение года. За это время они пытались улучшить свою репутацию, проявляя внимание к социальным нуждам населения, наказывая воров и продолжая параллельно осуществлять захват мечетей суфиев и ликвидацию или закрытие их сакральных центров. Они старались оправдать свои репрессии необходимостью прекратить хаос и защитить население от «проиранских северян-хуситов».

В апреле 2016 г. эмиратский фланг Арабской коалиции (содружество арабских государств для урегулирования Йеменского кризиса) вынудил джихадистов покинуть города, что требовало мгновенного перехвата управления для заполнения вакуума власти в этой части Хадрамаута. Сохранившаяся угроза терроризма побудила местные политические элиты в апреле 2017 г. созвать в ал-Мукалле Хадрамаутский конгресс с участием депутатов от всех уездов провинции. Конгресс провозгласил курс на самоуправление во избежание возвращения «Абна ал-Хадрамаут» из своих лагерей в пустынных районах.

В 2018 г. Хадрамаутский конгресс примкнул к Южному Переходному совету, в результате чего саудовский фланг Арабской коалиции стал наращивать присутствие во внутреннем Хадрамауте, а прибрежный Хадрамаут вошел в зону контроля Южного Переходного совета, лояльного эмират-

скому флангу коалиции. Губернатору провинции генералу Фараджу ал-Бахусни с трудом удавалось играть роль посредника между конкурирующими сторонами.

Переход политического соперничества Арабской коалиции на Юге в конфессиональную плоскость отражается и в их представлениях о культурной идентичности южан и северян. Умеренный фланг салафизма поддерживает концепцию южной идентичности, обвиняя радикальных салафитов, или «салафито-ваххабитов», в стремлении сохранить господство Севера на Юге и в распространении там исламского экстремизма, несовместимого с исконными социокультурными традициями Юга.

В условиях обостряющейся политической борьбы на Юге вообще и в Хадрамауте в качестве его ключевой провинции особенно возрастает значение социокультурной динамики в зоне конфликта. От того, какой из конкурирующих сторон, Саудовской Аравии или Южному Переходному совету, удастся завоевать больше доверия у религиозных лидеров шафиито-суфийских традиций Хадрамаута, может зависеть и исход борьбы. Но возможен и другой сценарий — с участием шафиитской суфийской оппозиции. Если действия конкурирующих сторон будут восприняты духовными элитами Хадрамаута как форма создания объединенного салафитского фланга, угрожающего их будущему, то ситуация в конфессиональной сфере Юга сохранит взрывоопасный потенциал.

Как бы то ни было, мы видим, что конфессиональная компонента хадрамейской этноконфессиональной идентичности на протяжении XX–XXI вв. подверглась явной дифференциации, а в трехуровневой этнической компоненте (с 1970-х годов «хадрамец — йеменец — араб») второе звено в наши дни все чаще заменяется на «уроженец Южной Аравии», как при Инграмсе.

Этноконфессиональная идентичность также подразумевает у ее носителей наличие общей культурной памяти, одна из особенностей которой — идеализация прошлого. Существует ностальгия по эмблематике и социальным реформам НДРЙ, тепло вспоминают семейство Инграмс — Гарольда, Дорин и Лейлу, и анекдоты про британскую эпоху лишены былого сарказма.

— Сколько стоит эта рыба? — спрашивает старушка на рынке. — Тысячу риалов — отвечает продавец. — При англичанах она стоила шиллинг! — говорит старушка. — Верни англичан, и я отдам ее даром! — отвечает продавец.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Родионов М. А. Заочная полевая этнография в поисках южноаравийской идентичности // Кунсткамера. 2021. № 3 (13). С. 206–213.
- Britain's Departure from Aden and South Arabia. Without Glory but Without Disaster. Ed. by N. Brehony, C. Jones. Berlin: Gerlach Press, 2020.
- Dresch P. A History of Modern Yemen. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Ducker J. Sayyid Abubakr Bin Shaikh Al-Kaff // The British-Yemeni Society Journal. 2003. Vol. 11. P. 40–41.
- Hadhramaut and its Diaspora: Yemen Politics, Identity and Migration. Ed. by N. Brehony. London; New York: I. B. Tauris, 2017.
- Ingrams H. W. Aden Protectorate: A Report on the Social, Economic and Political Condition of the Hadhramaut. London: His Majesty's stationary office, 1936.
- Ingrams H. W. "For Official Use Only". Political Development in the Hadhramaut. April 1945 // Records of Yemen 1798–1960 / ed. by Doreen and Leila Ingrams. 16 vols. London: Archive Editions, 1993. Vol. 10. P. 583–606.
- Knysh A. The Tariqa on a Landcruiser: the Resurgence of Sufism in Yemen // Middle East Journal. 2001. Vol. 3. P. 399–414.
- Knysh A. Sufism's Recent Trajectories: What Lies Behind the Sufi-Salafi Confrontation? // Sufism. A New History of Islamic Mysticism. Chapter 6. Princeton University Press, 2018. P. 176–230.
- Petouris T. Hadhrami 'Exceptionalism': Attempts at an Explanation // Hadhramaut and Its Diaspora: Yemeni Politics, Identity and Migration / ed. by N. Brehony. London; New York: I. B. Tauris, 2017. P. 41–66.
- Qu'ayl al-, 'Abd al-'Aziz b. 'Ali b. Ṣalāḥ. Iḥlāl al-salām fī Ḥaḍramawt: dirāsa ta'rikhīyya li-tajribat Ḥaḍramawt wa qaḍā' 'ala al-tha'r al-qibalī (1933–1953). London: Arabian Publishing, 2009.

Rodionov M. The Western Hadramawt: Ethnographic Field Research, 1983–1991 // Orientwissenschaftliches Hefte. Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg: Hf. 24, 2007.

Rodionov M. Wādī Ḥaḍramawt as a Landscape of Death and Burial // Death and Burial in Arabia and Beyond. Multidisciplinary Perspectives / ed. by L. Weeks. International Series 2107. 2010. P. 341–345. (Society for Arabian Studies Monographs No. 10 / ed. by D. Kennet, St. J. Simpson).

Rodionov M. Social Re-stratification in Hadramawt During the Last 25 Years: an Anthropological Outlook // Tribes in Modern Yemen: An Anthology / ed. by M. Brand. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2021. P. 137–144.

Rodionov M., Schoenig H. The Hadramawt Documents, 1904–51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans / Orient-Institut. Beirut: Ergon, 2011. (Beirut Texts and Studies, 130).

REFERENCES

Hadhramaut and its Diaspora: Yemen Politics, Identity and Migration. Ed. by N. Brehony. London; New York: I. B. Tauris, 2017.

Britain's Departure from Aden and South Arabia. Without Glory but Without Disaster. Ed. by N. Brehony, C. Jones. Berlin: Gerlach Press, 2020.

Dresch P. *A History of Modern Yemen*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Ducker J. Sayyid Abubakr Bin Shaikh Al-Kaff. *The British-Yemeni Society Journal*, 2003, vol. 11, pp. 40–41.

Ingrams H. W. *Aden Protectorate: A Report on the Social, Economic and Political Condition of the Hadhramaut*. London: His Majesty's stationary office, 1936.

Ingrams H. W. "For Official Use Only". Political Development in the Hadhramaut. April 1945. *Records of Yemen 1798–1960*. Ed. by D. and L. Ingrams. 16 vols. London: Archive Editions, 1993, vol. 10, pp. 583–606.

Knysh A. The Tariqa on a Landcruiser: The Resurgence of Sufism in Yemen. *Middle East Journal*, 2001, vol. 3, pp. 399–414.

Knysh A. Sufism's Recent Trajectories: What Lies Behind the Sufi-Salafi Confrontation? *Sufism. A New History of Islamic Mysticism*. Chapter 6. Princeton University Press, 2018, pp. 176–230.

Petouris T. Hadhrami 'Exceptionalism': Attempts at an Explanation. *Hadhramaut and Its Diaspora: Yemeni Politics, Identity and Migration*. London; New York: I. B. Tauris, 2017, pp. 41–66.

Qu'ayṭī al-, 'Abd al-'Azīz b. 'Alī b. Ṣalāh. *Iḥlāl al-salām fī Ḥaḍramawt: dirāsa ta'rīkhīyya li-tajribat Ḥaḍramawt wa qaḍā' 'ala al-tha'r al-qibalī (1933 – 1953)* [Pacification of Hadramawt: Historical Research on Hadramawt Experience to do Away with Tribal Vengeance]. London: Arabian Publishing, 2009. (In Arabic)

Rodionov M. *The Western Hadramawt: Ethnographic Field Research, 1983–1991*. Orientwissenschaftliches Hefte. Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg: Hf. 24, 2007.

Rodionov M. Wādī Ḥaḍramawt as a landscape of death and burial. *Death and Burial in Arabia and Beyond. Multidisciplinary perspectives*. Ed. by L. Weeks. International Series 2107. 2010, pp. 341–345. (Society for Arabian Studies Monographs No. 10. Ed. by D. Kennet and St. J. Simpson).

Rodionov M. Social Re-stratification in Hadramawt During the Last 25 Years: An Anthropological Outlook. *Tribes in Modern Yemen: An Anthology*. Ed. by M. Brand. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2021, pp. 137–144.

Rodionov M. A. Zaochnaia polevaia etnografiia v poiskakh iuzhnoaraviiskoi identichnosti [Off-the-Field Ethnography in Search of South Arabian Identity]. *Kunstkamera*. 2021, no. 3 (13), pp. 206–213. (In Russian)

Rodionov M., Schoenig H. *The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans*. Orient-Institut Beirut: Ergon, 2011. (Beirut Texts and Studies 130).

Submitted: 12.06.2022

Accepted: 30.07.2022

Published: 10.10.2022